

УДК 070(94"19/20")
ББК 76.003

ЖУРНАЛ «ПУТЬ» В СИСТЕМЕ ЭМИГРАНТСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Е.В. Парахневич

В статье рассматривается, как был воспринят в обществе русского зарубежья выход в свет религиозно-философского журнала «Путь». Анализируется полемика, возникшая на страницах крупнейших изданий эмиграции и отразившая расхождения во взглядах представителей различных идеологических течений по вопросам целей и задач публицистики, манеры и форм подачи материала, а также относительно читательской аудитории.

Ключевые слова: миссия журнала, полемика, субъективность медиадискурса, эклектичность, аудитория.

Журнал «Путь» – орган русской религиозной мысли, издававшийся на русском языке в Париже с сентября 1925 года по март 1940 года Религиозно-философской Академией, во главе которой стоял Н.А. Бердяев. Издание во многом было уникальным, не имевшим аналогов как в российской, так и в эмигрантской прессе. Обращаясь преимущественно к духовной и религиозной составляющей и практически полностью игнорируя политические события, редакцией «Пути» ставилась цель сконструировать в сознании читателя уверенность в спасительной роли эмиграции. Доминантой журнала стал тезис о вселенском, универсальном значении православия как духовной силы, активно действующей во всем мире. Положение, в котором оказалась эмиграция, ее идейная изоляция, вынудили «Путь» к некоей идеологической толерантности, к стремлению объединить эмигрантские силы на основе религиозной культуры.

В современной науке бытует точка зрения, что именно периодика, ее многообразие и разнообразие, являлась наиболее эффективным инструментом для поддержания культурного и национального единства русского зарубежья, главными масс-медиацентрами которого (и всей эмиграции в целом) считаются Берлин, Париж и Прага. В целом описывать

систему эмигрантских СМИ принято исходя из дифференциации политической мысли: «На самом правом фланге находились такие журналы, как “Двуглавый орел” (затем “Вестник Высшего монархического Совета”, Берлин, Париж, 1920–1922, 1926–1931), “Грядущая Россия” (Париж, 1920; ред. – лидер эсеров Н.В. Чайковский и писатель М.А. Ландау-Алданов), “Русская мысль” (София, Прага, Берлин, 1921–1924, ред. П.Б. Струве). К ним примыкала право-кадетская газета “Руль” (Берлин, 1920–1931, ред. И.В. Гессен). Руководящим органом кадетов являлась газета “Последние новости” (Париж, 1920–1940, ред. П.Н. Милюков). Центральным органом эсеров был журнал “Революционная Россия” (Юрьев, Берлин, Прага, 1920–1931, ред. В.М. Чернов), у меньшевиков – “Социалистический вестник” (Париж, Нью-Йорк, 1921–1965). <...> Широкую известность получили сменовеховские издания: журнал “Смена вех” (Париж, 1921–1925) и газета “Накануне” (Берлин, 1922–1924). Редактором и журнала, и газеты был Ю.В. Ключников» [10, с. 5]. В целом же, в общей массе эмигрантских изданий, выделяются три основных идеологических вектора: движения «правого толка», демонстрирующие преимущественно реставраторские настроения и стоящие в оппозиции большевизму, «левый фланг» эмиграции, формирующий широкий республиканско-демократический лагерь, и, наконец, движения, стре-

мящиеся наладить диалог с Советской Россией: «сменовеховство» и «евразийство» [12, с. 28–31].

Однако при попытке поместить в данную систему журнал «Путь» возникает сложность: Н. Бердяев отмечал, что его «Путь» стал вне и над обычными политическими и церковными страстями эмиграции. Несмотря на “левое” социальное направление редактора, журнал стал вне обычной “правости” и “левости”. Положительный смысл и оправдание эмиграции совсем не в области политики» [5, с. 20], и потому включать духовное религиозно-философское издание, сознательно пропагандирующее аполитичность, в контекст политико-идеологической картины эмиграции представляется несколько неуместным.

Иная градация периодики русского зарубежья была предложена О.В. Волкогоновой, взявшей в качестве основания оригинальные философско-исторические проекты, появляющиеся в печати [6]. Исходя из этого, она выделяет два основных направления: реставраторское, господствующее количественно и считающее главной задачей эмиграции возврат к старым порядкам, и модернистское, куда входят сторонники моделей христианского социализма, евразийства, теоретического монархизма, христианского анархизма и т. д.

На первый взгляд, журнал «Путь», ратующий за обновление Православной церкви и выделяющий в православии «творческое, обновляющее и возрождающее течение» [8, с. 8], безусловно, включается во вторую группу. Однако важно отметить, что Н. Бердяев достаточно широко трактовал понятие «модернизм»: «появление творческой мысли, самостоятельной мысли своего времени, своей эпохи в отличие от повторения мыслей прежних эпох» [5, с. 20], и, согласно свидетельствам, его обязала издавать подобный «модернистический» орган «верность традициям русской религиозной мысли, как и мысли патриотической» [там же, с. 21]. Потому будет уместно определить «Путь» скорее как журнал традиционалистский, полемизирующий с модернистами в той же степени, что и с реставраторами.

Выход нового периодического издания заметили самыми первыми, пожалуй, *евразийцы*, и их реакция последовала незамедлительно, что, по сути, было вполне предсказуемо:

Н. Бердяев (в целом относившийся к евразийскому движению положительно) дал оценку в № 1 своего журнала некоторым программным установкам евразийцев на материале четвертого выпуска «Евразийского временника», вышедшего в Берлине в 1925 году незадолго до появления «Пути».

Так, в частности, он раскритиковал излишнюю эмоциональность и пафосность их заявлений: «Евразийцы выступили шумно и самоуверенно, с большими претензиями на оригинальность и на открытие новых материков... Сами по себе идеи эти мало оригинальны, они являются воспроизведением мыслей старых славянофилов, Н. Данилевского (Н. Данилевского в особенности), некоторых мыслителей начала XX века (так, типичным евразийцем по настроению был В.Ф. Эрн)» [2, с. 134]. Впрочем, тут же Бердяев признает существование исключений и ценит самостоятельность и неординарность туранско-татарской концепции русской истории князя Н.С. Трубецкого, хотя и считает проявление подобного интереса относящимся к монгольскому элементу в русской культуре, к одному из признаков, свидетельствующих о чрезмерном увлечении евразийцев восточными культурами и игнорировании как исконно русских традиций, так и привнесенных в Россию традиций западных.

Среди положительных черт евразийства он называет их нереставраторские настроения («заслуга их в том, что они остро чувствуют размеры происшедшего переворота и невозможность возврата к тому, что было до войны и революции» [там же, с. 134]), манифестирование превосходства культуры над политикой («они понимают, что русский вопрос сейчас есть прежде всего вопрос духовно-культурный, а не политический вопрос» [там же, с. 135]), отстаивание интересов России («евразийцы стихийно, эмоционально защищают достоинство России и русского народа против того поругания, которому он предается ныне и русскими людьми, и людьми Запада» [там же, с. 136]), оценка последствий революции («Пора перестать себе закрывать глаза на совершившееся. Ничто до-революционное невозможно уже, возможно лишь пореволюционное» [там же, с. 135]). Также считая верными мысли евразийцев («...Европа перестает быть монополистом

культуры, что культура не будет исключительно европейской» [2, с. 134]), Бердяев в то же время определяет отношение евразийцев к Западной Европе как «превратное и ложное», язвительно заявляя: «подобное отношение заслуживает названия азиатства, а не евразийства» [там же, с. 135].

Главная же критика Н. Бердяева была направлена на статическую замкнутость евразийцев, их отрицание вселенского значения православия (а признание этого значения было основным постулатом Н. Бердяева и издаваемого им журнала) и мирового признания России как государства, «соединяющего в себе два потока всемирной истории» [там же, с. 136], на ненависть к католичеству, которое Бердяев считает основополагающим в их программе, а также на упрощение, элементизацию религиозного сознания, тягу к бытовым формам православия, «традиционализму, боязливому и подозрительному ко всякому религиозному творчеству» [там же, с. 138].

В № 2 «Пути» развернулась дискуссия – евразийцы откликнулись на критику сразу несколькими публикациями: «Ответ на статью Бердяева об евразийцах» Л.П. Карсавина, «„Окамененное бесчувствие“ (по поводу полемики против евразийцев)» Г. Флоровского и «Письмо евразийцев П. Сувчинского, Л. Карсавина, П. Савицкого, Н.С. Трубецкого, Г. Флоровского, Вл. Ильина и ответ Г.Н. Трубецкого», объяснявшие обнаруженные редактором «Пути» «элементы зловерные и ядовитые» исключительно соборным началом евразийства, заключающегося в том, что это «свободно становящаяся система, определенная своими основными идеями, но не исключающая индивидуального многообразия ее пониманий» [9, с. 124]. Отсутствие интереса к традициям Запада Л. Карсавин пояснял назревающим европейским кризисом – как духовным, так и экономическим.

Более того, в ответ на критику евразийцы сами упрекают авторов журнала «Путь» в *субъективности*, нарочитости, менторской и даже академической манере подачи материала: «Ни “динамический, трагический дух русской религиозной мысли XIX века”, ни “сложная проблематика” нам не чужды. Но мы знаем, что, когда речь идет о практической деятельности, необходимы ясность и простота, а не сложная проблематика, которая не может

увести за пределы журнальных статей и публичных диспутов» [9, с. 125]. Также с первого же номера они заметили одну из основных особенностей журнала, в целом присущую русской религиозной философии и особо явно зазвучавшую в медиадискурсе «Пути» в последние годы – *национально-историческую эсхатологичность*, выражающуюся в ощущении трагичности момента.

Характерно, что при всем несогласии евразийцы относились к замечаниям Н. Бердяева внимательно, благодарили его за «благожелательно-вдумчивый» подход при оценке их позиций и стремление «добросовестно и непредвзято» исследовать евразийскую идеологию. Этой дружественности также немало способствовали совпадения их взглядов по ряду принципиальных вопросов, в числе которых оценка русской революции и мировой войны, сближение Европы и Азии и связанное с этим обретение Россией статуса государства мирового значения, и потому диалог с евразийцами на страницах журнала «Путь» носил характер не полемики, а скорее критически-доброжелательного обмена мнениями. Более того, практически все идеологи евразийства – Н. Трубецкой, Г. Флоровский, Л. Карсавин, П. Савицкий, П. Сувчинский, В. Ильин – в дальнейшем стали постоянными авторами издания.

В последующих трех номерах «Пути» развернулась уже более бурная дискуссия, начатая публикациями «Письма монархиста в редакцию журнала “Путь”» и ответа самого Н. Бердяева, с *представителями монархического направления* по вопросу о потенциальном государственном строе в России.

Необходимо отметить, что подобные открытые письма, зачастую высказывающие некоторые весьма провокационные идеи, вообще были визитной карточкой издания. Н. Бердяев утверждал, что «журнал обыкновенно имеет то или иное идейное направление и редактор естественно должен проявлять власть в соответствии с этим направлением. Но моя редакторская власть приблизительно такая же, как моя власть не приглашать к себе в дом лишь почему-либо мне неприятных. Такого рода власть лишена всякого рода репрессивности» [3, с. 37].

Для «Письма монархиста...» характерна резкая полемичность и негативное отно-

шение как к Н. Бердяеву, так и к издаваемому им журналу. Длинные стилистически маркированные софистические рассуждения, перемежающиеся цитатами из Священного Писания, завершаются главным тезисом: «призывы “Пути” направлены к пассивному претерпению царящего у нас на Родине зла, а не к военной борьбе с ним» [13, с. 139], соответственно монархисты определяли концепцию журнала «Путь» как прекращение борьбы с большевизмом, полное игнорирование политических событий и *проповедь аполитизма*.

В свою защиту Н. Бердяев высказывает мнение, что «за границей никакой реальной политической борьбы не происходит, – происходят пустые словопрения и риторические словоизвержения в газетных статьях» [4, с. 143], в то время как реальная борьба должна носить исключительно духовный характер, за что и ратует его издание, а поскольку легитимная монархическая идея в данный момент у русского народа не привечается, любые попытки навязать ее извне лишь мешают преодолению большевизма. Одновременно Бердяев манифестирует мысль, что монархия в старом смысле стала в «наши дни утопией» и что ее время прошло, и в споре с «монархистом», а также с Г. Трубецким, вступившим в дискуссию и также отстаивающим принципы монархической власти, пытается доказать, что Церковь может обходиться и без монархии, так как «аргументы, взятые из Библии, не могут иметь решающего значения для нашей эпохи истории» [1, с. 179].

Несмотря на все внутренние идейные разногласия, вызванные публикацией так называемых «открытых писем», журнал «Путь» оставался нейтральным «в существующих за рубежом церковных разделениях» и стремился «давать место разным точкам зрения», в чем и заключался основной редакторский прием Н. Бердяева. Более того, благодаря отлично налаженной таким образом обратной связи, журнал обсуждал наиболее актуальные вопросы, волновавшие умы его современников.

Свою оценку идейному конкуренту давали и остальные эмигрантские издания. Например, в 1926 году появилась заметка в литературно-художественном рижском журнале «Перезвоны», автор которой, В. Лодыженский, крайне высоко оценивал издание «Пути» как «значительное и показательное общественное явление» [11, с. 708].

Г. Федотов в № 65 «Современных записок» – крупнейшего периодического издания русского зарубежья – характеризовал эмигрантскую издательскую деятельность Н. Бердяева следующим образом: «Если бы Н. А. за рубежом занимался только изданием религиозно-философского журнала “Путь”, то и этого было бы достаточно, чтобы его имя вошло в историю русской культуры... “Путь” читают очень многие, но пишут о нем очень мало. А между тем думается, что, когда настанет время подводить итоги тому, что было продумано и создано в эмиграции, что она принесла в дар России, журналу “Путь” (и тесно связанному с ним издательству) будет отведено одно из самых почетных мест» [16, с. 446]. По мнению Г. Федотова, именно уникальность издания в среде эмигрантских СМИ обусловила его своеобразную эклектичность, выразившуюся в том, что журнал «давал приют всем религиозным изгнанникам» [там же, с. 447]. Помимо этого, рецензент справедливо подчеркивал дуалистичность журнала, выражающуюся в том, что «Путь» стал не только своеобразным архивом русской философской мысли, но и «боевым органом» его редактора, местом «страстной борьбы за свободу мысли» [там же, с. 448], что выразилось в высокой доле внутренней полемики на страницах журнала, которая и придала ему особую актуальность.

Пожалуй, самый развернутый и аргументированный анализ эмигрантского издания предлагает Ф. Степун в своей статье «Об общественно-политических путях “Пути”», опубликованной в 1926 году в тех же «Современных записках». Подводя итог годичному существованию «органа русской религиозной мысли» и сокрушаясь, что в эмигрантской прессе об этом издании пишут незаслуженно мало, Ф. Степун обосновывает выбранную им тему тем, что «существенность “Пути” заслуживает самого внимательного к себе отношения» [15, с. 442].

Ф. Степун отмечает преимуществом журналом программы одноименного московского издательства, о чем уже было сказано, указывает, что круг основных сотрудников сложился еще в 1911–1912 годах и в него вошли «столичные члены Религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева и их провинциальные друзья» [там же, с. 445], а так-

же подчеркивает, что широкие круги либеральной и социалистической интеллигенции уже тогда дистанцировались от «путейцев» и относились к ним «весьма пренебрежительно, иногда снисходительно» [15, с. 443], соответственно со временем разрыв между командой Н. Бердяева и основными идейными течениями русской интеллигенции только усиливался.

Анализируя вышедшие в свет четыре номера издания, Ф. Степун отмечает произошедшие изменения в концепции Н. Бердяева: «Все напечатанное им в четырех номерах “Пути” исполнено радикально иных настроений, чем “Философия неравенства”. Пафос бердяевских писаний сейчас не в борьбе с революционной интеллигенцией, а в борьбе с монархической реакцией» [там же, с. 448]. По его мнению, большевистское гонение на Церковь интересует Бердяева гораздо меньше, чем правомонархические попытки «приспособления церкви» к интересам и нуждам реставрации. Также критик отмечает уже упомянутую близость идей Н. Бердяева и евразийцев, говоря о встрече на страницах журнала обоих «славянофильских поколений» – славянофилов эпохи символизма и славянофилов эпохи футуризма [там же].

Главный недостаток журнала, по мнению Ф. Степуна, заключается в чрезмерно большом масштабе мышления его основных авторов, чересчур общих рассуждениях, отсутствии деталей и нелюбви к подробному логическому обоснованию своих мыслей и слабого «конкретного ощущения завтрашнего дня» [там же, с. 447], а также его аполитичности: «то, что “Путь” обвиняет русскую интеллигенцию в придании абсолютного значения политике, – это правильно, но то, что “Путь” вообще не указывает ей место в системе своего абсолюта, – вина “Пути”» [там же, с. 446]. Однако Ф. Степун завершает свой анализ издания следующими словами: «Как орган русской религиозной мысли, в которой напряженно пульсирует протекающая на очень значительной высоте духовная жизнь, как орган, связанный с религиозно-философской академией и религиозным движением эмигрантской молодежи, с исканиями Запада и при всем этом все внимательнее прислушивающийся к церковной жизни всей России, “Путь”, безусловно, представляет собой одно из самых существенных явлений духовной жизни эмиграции» [там же, с. 448].

В целом журнал «Путь» имел очень широкий резонанс среди эмигрантской интеллигенции, о чем можно судить не только по его журнальным публикациям, но и по воспоминаниям и оценкам современников.

Так, З. Гиппиус считала публикацию подобного журнала явлением не случайным и совсем не незначительным, однако полагала при этом, что его стоило бы назвать органом не религиозно-философской, а православно-философской мысли, поскольку «у тех, кто борется “за мир”, борьба теперь сливается с борьбой и “за православие”» [7, с. 2]. По ее мнению, «“Путь” дает яркую картину этой борьбы, или, говоря мягче, этих острых споров» [там же, с. 3], но все же авторы издания не замечают очевидного, и в этом главный недостаток издания: эмигрантская молодежь, которую Н. Бердяев считал основной своей аудиторией, «тянется из отупляющего безумия войн, из оторванности и отброшенности – к храму православному, к церкви» [там же], обретая в ней своеобразный якорь реальности, и потому ее мало интересуют слишком абстрактные вопросы, поднимаемые на страницах издания: «кончился ли здесь “Константиновский период”, какое православие – “истинное”?» [там же]. Пожалуй, Гиппиус первая заметила диссонанс между заявленной миссией издания и ее практической реализацией.

Аналогичный вопрос относительно излишне менторской и околонушной манеры выбора и подачи материала задавали и другие читатели. В № 38 «Пути» опубликовано «Письмо в редакцию из Румынии», автор которого, Д. Рашев, отмечает тот «ценный вклад, который делает журнал “Путь” в сокровищницу религиозно-нравственной литературы, восполняя в сознании читателей пробелы духовной и религиозной устойчивости, вызванной разочарованиями, сомнениями и унынием» [14, с. 84]. Он подчеркивает богатство «литературного материала» русской религиозной мысли, высокую эрудицию сотрудников, «среди коих многие корифеи литературы этого рода» [там же], благодарит за публикацию «блестящих исследований в области догматики, философии, богатой критики литературно-научных трудов данной области, отчетов, библиографии» [там же]. Однако он делает вывод, что этот материал предназначен специально образованному читателю и «просто образо-

ванному читателю понимание этой литературы будет затруднительно» [14, с. 85]. Более того, для адекватного восприятия специфической духовной цели издания – пропаганда духовно-нравственного восхождения – аудитории необходима «одухотворенность, подготовленность развитого духа» [там же, с. 84], что крайне ограничивает круг аудитории журнала «Путь» и корректирует поставленные им задачи.

Соответственно, по наблюдениям современников, журнал должен был либо рассчитывать на широкий круг образованного – и необязательно воцерковленного – читателя и отказаться от своей миссионерской задачи, ограничиваясь при этом проповедью христианских ценностей с целью обращения аудитории в православие, для чего ему необходимо использовать более популярную форму изложения материала, либо довольствоваться узкой, специально подготовленной – и оттого чересчур локальной – аудиторией, что, в свою очередь, затрудняет выполнение миссии издания. Помимо этого критиками ставилась под сомнение возможность утверждения вселенского значения христианства, в частности православия, исключительно путем публичных диспутов и обсуждения актуальных вопросов на страницах периодического издания, без его активного участия в общественно-политической жизни эмиграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бердяев, Н. Дневник философа (Спор о монархии, о буржуазности и о свободе мысли) / Н. Бердяев // Путь. – 1926. – № 4, июнь–июль. – С. 176–182.
2. Бердяев, Н. Евразийцы / Н. Бердяев // Путь. – 1925. – № 1, сент. – С. 134–139.
3. Бердяев, Н. Об авторитете, свободе и человечности (ответ В. Лосскому и о. С. Четверикову) / Н. Бердяев // Путь. – 1936. – № 50, янв. – март – апр. – С. 37–49.

4. Бердяев, Н. Ответ на письмо монархиста / Н. Бердяев // Путь. – 1926. – № 3, март – апр. – С. 140–144.

5. Бердяев, Н. Русский духовный ренессанс начала XX в. и журнал «Путь» (К десятилетие «Пути») / Н. Бердяев // Путь. – 1935. – № 49, окт. – дек. – С. 20–34.

6. Волкогонова, О. Д. Образ России в философии Русского Зарубежья / О. Д. Волкогонова. – М. : РОССПЭН, 1998. – 324 с.

7. Гиппиус, З. Спор на корабле / З. Гиппиус // Последние Новости. Париж. – 1926. – № 1849, 15 апр. – С. 2–3.

8. Духовные задачи русской эмиграции // Путь. – 1925. – № 1, сент. – С. 3–8.

9. Карсавин, Л. Ответ на статью Бердяева об евразийцах / Л. Карсавин // Путь. – 1926. – № 2, янв. – С. 124–127.

10. Кузнецов, И. В. Публицистика русского зарубежья (1920–1945) : сб. статей / И. В. Кузнецов, Е. В. Зеленина. – М. : Союзполиграфпром, 1999. – 354 с.

11. Лодыженский, В. Журнал «Путь», орган русской религиозной мысли / В. Лодыженский // Перезвонь. – 1926. – № 22. – С. 708–710.

12. Млечко, А. В. От текста к тексту. Символы и мифы «Современных записок» (1920–1940) / А. В. Млечко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2008. – 574 с.

13. Петров, А. Письмо монархиста в редакцию журнала «Путь» / А. Петров // Путь. – 1926. – № 3, март – апр. – С. 134–139.

14. Рашеев, Д. Письмо в редакцию из Румынии / Д. Рашеев // Путь. – 1933. – № 38, май. – С. 84–86.

15. Степун, Ф. Об общественно-политических путях «Пути» / Ф. Степун // Современ. записки. – 1926. – № 29. – С. 442–448.

16. Федотов, Г. Рецензия на журнал «Путь»: Орган русской религиозной мысли. Изд. Религиозно-философской академии в Париже / Г. П. Федотов // Современ. записки. – 1937. – № 65. – С. 446–448.

JOURNAL “THE WAY” IN THE SYSTEM OF IMMIGRANT’S JOURNALISM

E. V. Parakhnevich

The article discusses how the society was perceived Russian foreign release of the religious-philosophical journal “Path”. Examines the controversy that arose in the pages of major publications emigration and reflected the differing views from different ideologies on the goals and objectives of journalism, manner and form of the material, and on the audience.

Key words: *the mission of the journal, the controversy, the subjectivity of media discourse, the eclectic, the audience.*